

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

·IN·BREVI·

ЭПОХА МЕРОВИНГОВ: ОРЛЫ РИМА И ВОРОНЫ ВОТАНА

«Латынь из моды вышла ныне...» — почти два столетия назад иронизировал Пушкин в поэме «Евгений Онегин». Однако и сегодня мы порой не можем обойтись без лаконизма и точности латинских выражений. Словосочетание IN BREVI (в переводе с латыни — «вкратце, кратко») недаром было выбрано для названия серии брошюр, к изданию которых Государственный Эрмитаж приступил в 2004 году. Брошюры этой серии действительно вкратце дают самую важную информацию и рассказывают о наиболее значительных памятниках, которые представляет Эрмитаж на временных выставках и постоянных экспозициях. Эти небольшие по объему и хорошо иллюстрированные книжки создают хранители музейных коллекций, научные сотрудники Эрмитажа. Надеемся, что брошюры новой серии не просто пополнят домашние библиотеки, но станут приятным напоминанием о встрече с Эрмитажем.

В оформлении логотипа серии использован фрагмент картины нидерландского художника Яна Провоста «Мария во славе» из собрания Государственного Эрмитажа.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

А. Г. ФУРАСЬЕВ

ЭПОХА МЕРОВИНГОВ: орлы Рима и вороны Вотана

Санкт-Петербург
Издательство Государственного Эрмитажа
2007

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Государственного Эрмитажа

Редакционная коллегия:

Г. В. Вилинбахов (председатель),
М. М. Дандамаева, Ю. А. Дюков,
Н. К. Жижина (ответственный секретарь),
Е. В. Звягинцева, Н. В. Козлова,
М. В. Козловская (составитель серии),
И. А. Куреева, Н. А. Лебедева,
О. Г. Махо, А. Е. Немчинова,
Д. А. Никитин, Т. Б. Семенова,
А. А. Ракова, С. В. Томсинский, А. Г. Фурасьев

Дизайн М. С. Коваленко

На обложке: двупластинчатые германские фибулы.
Начало V века

На фронтисписе: орлиноголовые пряжки и фибулы
восточных германцев. V—VI века

Фурасьев А. Г.

Ф 95 Эпоха Меровингов: орлы Рима и вороны Вотана / Государственный
Эрмитаж. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. — 40 с: ил. — (In brevi).
ISBN 978-5-93572-251-7

В книге речь пойдет о раннем средневековье — времени возникновения на территории Европы первых варварских государств, одним из важнейших среди которых являлось Франкское королевство, созданное легендарным Меровеєм. Основное внимание обращено на важный мотив в декоративно-прикладном искусстве той поры — образ хищной птицы. О формах, в которых он воплощался, о мифологических и исторических корнях этого явления и будет говориться «in brevi» — вкратце.

УДК 745/749(940.11)
ББК (Т)63.3(0)4+(Щ)85.12(3)

© Государственный Эрмитаж, 2007
© Государственный музей изобразительных искусств
им. А. С. Пушкина, 2007
© А. Г. Фурасьев, 2007
© В. С. Терехин, фотосъемка, 2007
© А. В. Терехин, фотосъемка, 2007
© А. Ф. Кудрявицкий, фотосъемка, 2007
© М. С. Коваленко, оформление и макет, 2007

ISBN 978-5-93572-251-7

Меровинги... Под этим загадочным именем скрывается не только древнейшая королевская династия франков, но и целая эпоха, недолгая, но яркая и динамичная, охватывающая период с конца V до середины VIII века. В это время на смену позднеантичной цивилизации, существовавшей в рамках огромной Римской империи, пришли первые «варварские» государства. Для многих современных народов это была первая страница жизни; для некоторых древних, наоборот, наступил трагический финал долгого развития и процветания. Крушение власти последнего императора Западной Римской империи в 476 году стало той условной границей, за которой начался отсчет новой эпохи.

Почему условной? Дело в том, что кризис назревал уже очень давно. После 330 года, когда в качестве столицы был освящен Константинополь, город Рим перестал быть резиденцией императорской власти, и западная половина навсегда утратила роль культурного и политического ядра державы. Еще задолго до 476 года целые области западной части империи, оккупированные варварами, стали отпадать от Рима. Все основные функции государства оказались сосредоточены в восточной части империи — Византии. В ее столице мало кто обратил внимание на то, что где-то на Западе, в Равенне, был смещен с престола малолетний Ромул Августул. Римские сенаторы давно говорили, что одного императора, в Константинополе, вполне достаточно.

Фибула — птичка. Франки. VI век

Орел, выполненный в технике перегородчатой инкрустации. Франки. VI век

Многовековая история Рима, прошедшая в непрерывных войнах, научила императоров не только усмирять агрессивность соседних народов, но и извлекать из нее пользу. Различные германские племена, периодически прорывавшиеся сквозь линию пограничных лагерей («лимес»), вовсе и не надеялись сокрушить Вечный город, вполне осознавая свою малость на фоне его величия. Все крупные нашествия германцев — это «бегство вперед», вызванное бедствиями в самом варварском мире: голодом, войнами, эпидемиями, природными катастрофами. Римская империя казалась полудиким и полуголодным племенам землей обетованной. Тюркский каган писал императору Юстиниану: «В вашей империи есть все, включая, кажется, даже невозможное». Вот почему многие племена предпочитали искать средства к существованию не грабежом, а защитой римских провинций. Варвары охотно становились римскими солдатами. Такое положение дел вполне устраивало и империю.

Римские легионы были обескровлены частыми войнами и постоянными пограничными столкновениями. Поэтому со второй половины IV века стало широко практиковаться пополнение армии за счет целых родов и племен германцев или кочевников (гуннов и аланов), которые становились союзниками империи — федератами. Они переселялись с семьями в пограничные провинции, получали землю для проживания, регулярную плату (она называлась *stipendia*), продовольствие и охраняли границы от таких же, как они, варваров. Так начиналось формирование будущих варварских королевств.

По убеждению ученых, если бы не активное участие варваров во внутренней и внешнеполитической жизни, то Рим, возможно, пал бы раньше. Впервые такую точку зрения высказал не современный специалист-историк, а монах, живший в конце V века: «Римляне сами себе были врагами худшими, и не столько варвары их разгромили, сколько сами они себя уничтожили».

Для римских граждан поздней империи воинская служба перестала быть «священным долгом и почетной обязанностью». Когда германский вождь Одоакр выступил против Ромула Августула, последнего императора Запада, на его защиту встали только незначительные подразделения римской армии, полностью состоящие из варваров-германцев. Уже в середине V века в составе римских войск на территории Италии не осталось почти ни одного римского по

Страны и народы Европы в начале эпохи Меровингов

происхождению солдата. Термины «варвар» и «воин» в разговорной речи стали взаимозаменяемы. К этому времени в поселениях федератов выросло не одно поколение молодых воинов, которые называли империю своей родиной и защищали ее не за страх, а за совесть. Ревностной службой и благодаря своим отменным боевым качествам готы (а также аланы, франки, вандалы, славяне) часто достигали командных должностей, даже самых высоких. А это открывало им доступ и в политические круги.

Франки — одно из германских племен, в середине V века прочно утвердившееся в Галлии и по берегам Рейна. Это самое сердце варварской Европы. Долгое время они были верными политическими союзниками Рима. Меровей, легендарный основатель первой династии франкских королей, жил во времена великого гунна Аттилы — покорителя Европы, движение которого на запад было остановлено в 451 году на Каталаунских полях в Шампани усилиями многих народов. Римскую армию, возглавляемую Аэцием, поддерживали войска франков, вестготов, бургундов и конница алан. Триста тысяч воинов пало в этом сражении, и

среди них были короли, князья и один из многочисленных сыновей самого Аттилы. Эта победа объединенных сил Запада позволила ему отстоять свою самобытность, до известной степени определила его историческую судьбу.

Императорская армия была очень мобильной и могла преодолевать колоссальные расстояния. Одни и те же легионы часто отправлялись из восточных провинций в западные, от границ Персии в Испанию, с Дуная в Северную Африку. Под римскими орлами, изображения которых служили символами-штандартами легионов, плечом к плечу с римлянами сражались представители всех варварских народов — готы, гунны, гепиды, аланы, мавры, персы, франки, руги, вандалы, славяне, лангобарды, армяне. Языком межнационального общения, языком, на котором отдавались команды в бою и составлялись военные соглашения, была латынь.

Такая этническая пестрота и частые передислокации неизбежно приводили к переплетению различных традиций, взаимообмену обычаями, к формированию в римской армии совершенно особой интернациональной среды. Границы между различными подразделениями федератов, между культурой римлян и варваров, особенно в среде простых солдат, незаметно стирались. Гражданское население империи тоже не избежало воздействия этих процессов. Параллельно шел и другой процесс — романизации самих варваров.

Две культуры — римская и варварская — словно двигались навстречу друг другу, при этом первая угасала, а вторая развивалась и совершенствовалась, впитывая многие достижения первой. Так формировалась новая европейская цивилизация, в которой былое величие античного мира отразилось, искаженное «кривым зеркалом» варварской культуры.

Именно в облике римско-варварской федеративной системы закладывались основы территориально-политического устройства и культурного развития национальных королевств эпохи Меровингов. И не случайно, что именно в эту эпоху начинается процесс зарождения рыцарского сословия, которое своими корнями глубоко уходит в ту же мозаичную среду воинской культуры Великого переселения народов (IV—VI вв.). Действие излюбленных рыцарских эпических произведений средневековья — «Песни о Нибелунгах», «Саги о Дитрихе Бернском» и «Предания о короле Артуре» происходит во времена первых Меровингов.

«Ветер степей шумит в ветвях древа средневекового рыцарства», — писал итальянский историк Ф. Кардини. Этот ветер принесли не только гунны и авары. Восточные, или степные, готы-грейтунги, тесно общавшиеся с кочевниками, а также умелые коневоды лангобарды на первых порах составили основу еще только зарождающейся тяжелой кавалерии императорской армии Византии и королевских дружин Запада. Благодаря им в Европе сформировалась «материально-техническая основа» будущего средневекового рыцаря: длинный обоюдоострый меч, тяжелое таранное копье-пика, металлические доспехи, целиком закрывавшие тело, новые элементы конской упряжи, которые освобождали руки всадника, — жесткое седло и, в особенности, стремена.

Политическая карта Европы, сложившаяся к VI веку, — это результат кровавой перекройки сфер влияния и мест обитания между различными народами, которая была изначально вызвана гуннским нашествием (376 г.). Но главной политической силой на протяжении VI—VII веков в Европе и на Ближнем Востоке являлась Византия, которая, словно осажденная крепость, была вынуждена постоянно и повсеместно сдерживать натиск варваров, т. е. всех прочих народов и племен, от жителей лесной Германии до кочевников-мавров Аравийской пустыни.

Этот оплот устоял даже тогда, когда на территории Западной Римской империи сформировались первые варварские королевства. Они еще не были настоящими государствами в современном понимании: не имели четких границ, необходимого аппарата управления, регулярной армии, собственной письменности и массового денежного обращения. Частая смена территории обитания, сопряженная с войнами, привела к полной милитаризации жизни: каждый полноценный член общества был воином. И, конечно, править таким коллективом мог только самый достойный полководец. Народное ополчение заменяло собой и парламент, и суд, и все министерства вместе взятые, и простой «электорат». Называть такую систему управления у историков принято хоть и «военной», но все же «демократией».

Еще одна черта объединяла политику всех варварских правителей эпохи Меровингов: и самих франкских королей, и их «коллег» в других странах. Они следовали совету остготского короля Теодориха Великого (это он вошел в эпос под именем Дитриха Бернского): «Римлянин жалок, подражая

Навершие рукояти меча
из гробницы боспорского
аристократа.
Первая половина V века

готу, готу же полезно подражать римлянину». Самобытная демократия не мешала королям признавать себя подданными византийского императора, и даже политически независимые государства франков, ост- и вестготов, лангобардов и гепидов считали себя вассалами империи, ее неотъемлемой частью. Могущественный король франков Хлодвиг — один из первых Меровингов — получил звание консула, а Теодорих был наместником византийского императора и проникновенно сообщал в письме византийскому двору: «Мы преклоняемся перед титулами, даруемыми императором, более, чем перед нашими собственными».

Станным образом и территориальный, и социальный, и культурный строй новой Европы повторял структуру римской армии. Все эти национальные королевства напоминали этнические воинские подразделения федератов, во главе которых стояли короли с их официальными званиями римских консулов, маршалов, наместников. Даже многие средневековые дворянские титулы — это ни что иное, как старые римские административные должности: «герцоги» (duces — командующие пограничными округами), «графы» (comites — императорские уполномоченные в городах). Так называемая солдатская латынь легла в основу современных европейских языков романской группы. Император же как был, так и остался формальным главой всей системы.

Нашествие гуннов оставило в Европе не только кровавый, но и культурный след: здесь широко распространился особый стиль украшений, получивший название «полихромного», т. е. многоцветного. Его отличительная черта — сочетание двух цветов и двух материалов: яркого золота и красного граната. Изделия, выполненные в полихромном стиле, выглядят необычайно пышно и торжественно. Это, как правило, крупные предметы из золота, густо покрытые незамысловатым узором из мелкой зерни и вставками камней, зажатых в напаянных гнездах. Альмандины (гранаты красного цвета) были излюбленным камнем, но изредка шли в дело и другие материалы — сердолик и янтарь. Они не подвергались огранке, а просто полировались. Особенно ценились великолепные ярко-красные альмандины, привозившиеся из Индии и Цейлона. Они поступали в Средиземноморье через Красное море и Александрию.

Варварская «аристократия» очень полюбила подобные украшения. Наверное, цветовая гамма полихромного стиля хорошо соответствовала ее вкусам и мировоззрению: помпезные

Готская фибула, украшенная
в полихромном стиле. Клад
у села Нежин. Середина V века

Золотая серьга с зернью
и со вставками граната.
Крымские готы.
Конец VI века

золотые вещи с гранатами словно густо забрызганы каплями крови, а блеск зерни вокруг усиливает эффект призрачного мерцания золота. Особенно популярны были женские застежки — фибулы, которые носились парами на плечах и скрепляли детали одежды. Тяга к роскоши привела к тому, что в середине V века такие застежки увеличились почти до 30 см в длину, а весить могли полкило каждая. Тяжкая ноша на хрупкие женские плечи, но зато какая красивая! Мужчины же предпочитали украшать самое дорогое, что у них было — оружие и боевых коней.

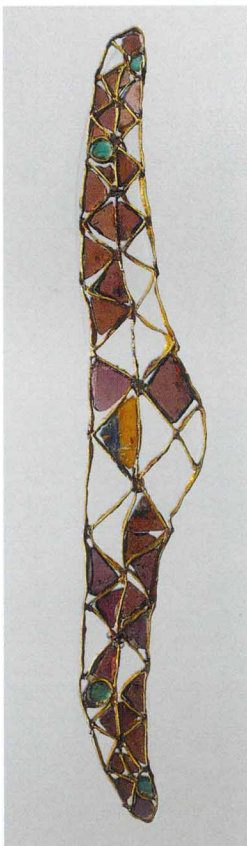
Подвеска — колт.
Причерноморские кочевники —
болгары. VI век

Полихромный стиль в ювелирном деле не был изобретением гуннов. Он возник еще в первые века нашей эры на Ближнем Востоке, в Иране. А техника зерни, т. е. композиции из очень мелких золотых шариков, напаянных на основу, была известна издревле. Ее довели до совершенства античные мастера эллинистической эпохи, а в период Великого переселения народов этой техникой овладели и варвары. Однако наиболее изящные предметы — будь это германские фибулы или мечи степняков — выполнены столь безупречно, что, похоже, без руки какого-либо римского мастера-ювелира

Двупластинчатые германские
фибулы. Совершенная
позднеримская филигрань.
Начало V века

Часть застежки сумочки-кошелька. Клауазоне — «витраж». VI век

Классика перегородчатой инкрустации. Детали ножен и рукояти меча. Боспорский некрополь. Середина V века

здесь не обошлось. В хрониках VI—VII веков сохранились сообщения о том, что лучшими золотых дел мастерами у германцев были пленные ромеи.

Варварская мода не была бы такой пышной, если бы не та изюминка, которую придавали ей византийские дары или трофеи и технические достижения позднеантичной цивилизации. Известно, что в Константинополе в IV—VI веках существовали специальные мастерские по изготовлению вещей для варварской знати, которые назывались «барбарикатии», и именно оттуда выходили наиболее яркие украшения. А для варваров ценные золотые вещи — браслеты, гривны, пряжки, фибулы — были не просто украшениями, они служили знаками социальной иерархии и воинского отличия. Это обычай, позаимствованный из римской армии. И король был просто обязан дарить своим подданным такие знаки.

Пожалуй, лишь одна страна, помимо Византии, в это время обладала равными по мастерству ювелирами и всеми необходимыми для высококлассной работы возможностями. Это остготское королевство времен Теодориха Великого в Италии (493—552 гг.). Именно здесь, на берегу Адриатического моря, в столице Теодориха Равенне, достигло совершенства то направление ювелирного искусства, которое по праву считается наиболее изысканным в Европе.

Стиль клауазоне («перегородчатые инкрустации») — визитная карточка и символ всей эпохи. В нем соединились культурные достижения и образы позднеантичного и варварского миров: гранаты из Индии и янтарь с Балтики, работа римских мастеров, варварские образы и мотивы. Главными заказчиками таких украшений были королевские дворы и воинская знать. Это художественное направление является логическим завершением полихромного стиля. Густота размещения вставок гранатовой «крови» на изделиях достигает предела — между ними остаются лишь тонкие перегородки, отсюда и современное название этой техники. Вся поверхность покрыта пластинами полированных камней и напоминает мозаику или оконный витраж. Это не случайно: витражи в Европе появятся лишь чуть-чуть позже. Вещи, из которых выпало большинство вставок, порою напоминают маленький витраж или часть большой золотой паутины.

Технология изготовления декора в стиле клауазоне не была сложной. На основу изделия напаивались бортики, а внутри них — узкие вертикальные перегородки, которые

Уздечная бляха византийской работы. Конец V века

и создавали разнообразные композиции. Ранние вещи небольшие, плоские, с геометрическим орнаментом и ровными перегородками. С середины V столетия появляются более изысканные украшения, растительный орнамент имеет «дрожащие» стеночки. Сложность работы зависела от контура и размеров ячеек, ведь в них вставляли пластинки гранатов, которым придавалась форма, точно соответствующая рисунку.

Великолепный образец ювелирного искусства клаузоны — накладка в виде орла, найденная в погребении варварского вождя на территории Румынии, у села Концешты. Горделиво поднятая голова, мощный клюв, инкрустированный перламутром, великолепное оперение, не просто точно переданное формой ячеек, но еще и дополненное листочками рифленой золотой фольги, подложенными в каждую (!) ячейку. Такая потрясающая по тонкости работа могла быть выполнена только в одной из мастерских Римской империи, особенно учитывая, что погребение

В хитросплетении перегородок фибулы можно различить две птичьи головы. Бавары. V—VI века

Пряжка и накладка. Работа средиземноморских мастеров. V век

датируется первой третью V века, временем, довольно ранним для этого стиля.

Пройдет всего несколько десятилетий, и такие же птички, украшающие различные детали костюма и снаряжения — пряжки, фибулы, конские удила, а также застёжки в виде фигурок орлов или птичьих головок, — разлетятся по всему варварскому миру от Северного Кавказа до Пиренейского полуострова. Нет более популярного мотива в эпоху Меровингов, чем хищные птицы — поодиночке, парами и даже целыми стайками.

Заслуживают внимания и другие предметы, найденные у села Концешты. Этот погребальный комплекс очень показателен для своего времени, и наш орел оказался там не случайно. Среди находок — германское оружие, римский офицерский шлем, византийские серебряные сосуды и складной походный стул, какими пользовались военачальники. Большинство вещей — либо военные трофеи, захваченные во время одного из варварских набегов, либо плата

Накладка на ремень.
Могила варварского вождя
у села Концешты.
Начало V века

за наемнические услуги, оказанные римлянам каким-нибудь вождем. Но кто же похоронен в этой могиле — гуннский или готский князь, римский офицер? Один персонаж, который был одновременно и готом по происхождению, и римским генералом по должности, хорошо известен как раз в это время. Это Гайна — начальник императорской гвардии в Константинополе, на закате своей карьеры бежавший «домой» — за Дунай, к соплеменникам. Не его ли это могила? Ответить уверенно на этот вопрос невозможно.

В конце IV века в пограничных областях на Среднем Дунае, там, где квартировали германцы-федераты, возник

особый стиль воинских портупейных поясов. Для него характерны широкие пластинчатые пряжки с противолежащей пластиной и вертикальными накладками по всей длине пояса. Все это выполнено из серебра, позолочено и густо покрыто геометрическим или растительным орнаментом. А наносился этот узор на поверхность пластин особым способом, который у современных ученых получил немецкое название «кербшнит». Этим термином чаще всего обозначают резьбу по дереву. Но где же дерево в нашем случае?

Дело вот в чем. Первоначальные контуры рисунка имелись еще на глиняной литейной форме, в которой отливали детали поясной гарнитуры. Но после отливки узор дополнительно прорабатывался специальными стальными резцами, точно так, как наносится резьба по дереву. Образовавшийся орнамент приобретал выдержанную линейную форму и световую гамму, в которой строго чередовались полосы света и тени. В русском языке эта техника обычно называется «трехгранно-выемчатой резьбой».

В V веке кербшнит очень широко распространился по всему германскому миру, а в эпоху Меровингов почти ни одно ювелирное изделие не обходилось без резного орнамента. Разнообразие декора достигло максимума на так называемых пальчатых фибулах. Это огромная по количеству всевозможных вариантов группа застёжек, которые объединяет один элемент — округлые выступы («пальцы», или «кнопки») в верхней части. Излюбленные мотивы орнаментации фибул — S-образные завитки, звериные морды, но особенно — птичьи головки с хищно загнутыми клювами и ярко выделенным глазом.

Резной орнамент мог оттеняться чернением. Чернь — это особый рисунок, который наносился горячей смесью серебра, свинца и серы. Иногда фигуры из черни образовывали причудливые композиции в необычных тонах.

Пальчатые фибулы стали чрезвычайно популярны по всей Европе. Законодателями моды на первых порах выступали остготы Италии. Именно их продукция служила образцом для подражания у мастеров Крыма, Среднего Подунавья и Северной Европы. В середине VI века культурный центр сместился на север, к франкам, где стали возникать новые разновидности пальчатых фибул. А еще там особенной любовью были отмечены застёжки в виде фигурок хищных птиц. Даже один из представителей династии Меровингов — король Хильперих (561—584 гг.), как сообщают хроники, занимался

Италийская фибула с каймой
из птичьих головок.
Трехгранно-выемчатая резьба.
Начало VI века

Франкская фибула.
Середина VI века

Деталь готской пряжки.
Начало VII века

Пальчатые фибулы из Италии
времен Теодориха Великого.
Великолепный образец
техники кербшнита

в часы досуга ювелирным ремеслом. Не его ли рук дело мы рассматриваем сейчас?

На итальянских и гепидских изделиях второй половины V — начала VI века «птичья» тема тоже была весьма популярна: головки орлов украшали не только фибулы, но и большие пряжки, которые носились в основном женщинами. Пряжки сейчас так и называются в среде специалистов — орлиноголовые. Больше всего их найдено в Крыму, где их появление можно связывать с событиями середины VI века, когда император Юстиниан расправлялся с варварскими королевствами у себя под боком — с остготами в Италии и гепидами на Дунае. Остатки разбитых дружин вместе с семьями рассеялись по разным уголкам Европы, в том числе проникли и в Крым.

Откуда такая любовь к хищным птицам? Нельзя не вспомнить, что изображения орлов служили символами римских легионов — своего рода полковыми знаменами. Орел — символ бога Юпитера, верховного покровителя римских императоров, знамение побед и величия империи. Объемные золотые фигуры с распростертыми крыльями крепились на длинных шестах и парили над головами legionеров. В начале

Стайка птиц на круглой
фибуле. VII век

IV века, при императоре Константине, изображения орлов на штандартах стали вместо объемных плоскими и, по-видимому, именно такой образ заимствовали германцы.

Фибулы-птички, орлиноголовые пряжки, накладки в виде орлов... Птичьи головки появляются везде, где только можно, и в таком количестве, сколько их может уместиться на поверхности вещи. Начало широкого распространения мотива хищной птицы в германском искусстве относится к середине V века. Это время максимальной варваризации римской армии. Для новых воинов величие империи не было пустым звуком. Римский орел продолжал оставаться символом единой империи, идея которой вынашивалась франкскими геополитиками еще очень долго. Вспомним Священную Римскую империю германской нации, возникшую в конце X века, — сначала она называлась «Обновленная Римская империя».

Мифология древних германцев, которая складывалась незадолго до первого столкновения с Римом, на рубеже нашей эры, знает одного примечательного персонажа, который, судя по всему, проник в мифы позже других. Структура мироздания представлялась германцам в виде мирового древа — ясеня Иггдрасиля, соединяющего по вертикали девять разных уровней всего сущего. На его вершине, т. е. над всеми мирами, восседает мудрый орел, священная птица бога-громовержца, символ власти, величия и победы. Но вместе с тем верховным божеством несомненно считался Водан — бог неба, воинского дела, покровитель ремесел, колдовства и мудрости. Его всюду сопровождают два ворона: Хугин и Мунин, которые летают над миром и сообщают Водану об увиденном. Парные фигурки птиц, вероятно, изображают этих воронов, как и фибулы в виде латинской буквы S с птичьими головками на концах. Но какие сакральные функции возлагались на орла-одиночку, восседающего на вершине ясеня? Кажется, никаких.

И еще одна деталь смущает в образе этой птицы. Древнегерманская мифология чрезвычайно образна, богата сюжетами, событиями, как правило, подробно описываются судьбы каждого из ее героев. Единственный персонаж, «биография» которого полностью отсутствует, — этот орел. У него даже нет личного имени, при том что имена имеют не только все одушевленные персонажи германских мифов, включая животных, но даже мечи, топоры, корабли. Орел безымянен. Кто, когда, почему посадил его на вершину мирового древа

Орлиноголовые гепидские
пряжки из Крыма.
Вторая половина V века

Пальчатые фибулы Боспора, изготовленные по образцам италийских украшений. Первая половина VI века

и не дал ему имени? Не был ли этот символ позаимствован в эпоху активных контактов с империей, когда легионы с их орлами-штандартами перестали быть римскими по составу и превратились в германские подразделения? И не демонстрация ли это единства происхождения народов франков и римлян, на котором настаивают генеалогические легенды Меровингов? Вполне возможно.

Но спустимся с мирового древа обратно на землю. Популярность пальчатых фибул со временем возросла настолько, что они стали проникать даже в иную этническую среду, например к балтам. А в VII веке пальчатые фибулы становятся неотъемлемой частью женского набора украшений одного из главных славянских племен — антов. Анты в VI—VII веках обитали на обширных пространствах от низовьев Дуная до левобережья Днепра. Западнее жили их родственники

Пальчатые фибулы днепровского типа. Крым. Первая половина VII века

склавины. По словам готского историка Иордана, анты и склавины происходят из одного корня. Но несмотря на это, в их культуре были заметные отличия. Например, склавины пальчатых фибул принципиально не носили.

Каким образом к антам попала типично германская мода, не до конца понятно, но одно предположение высказать можно. В VI и VII веках славяне принимали активное участие в нападениях на Византию. Вместе с германскими племенами Подунавья, потом с аvarами они вели ожесточенную осаду ее пограничной линии. В 620-е годы оборона византийцев была прорвана, и целыми семьями переселенцы устремились на юг Балканского полуострова, в Пелопоннес, где и осели. Византия была вынуждена смириться с этим.

Но большая часть славян все же вернулась с Дуная к себе на родину — в Поднепровье и Полесье — и наверняка принесла

Лангобардская фибула
из Равенны. Конец VI века

Пальчатая фибула франков.
VI век

с собой моду на германские пальчатые фибулы, позаимствованную у союзников. Готские фибулы стали прототипами для изготовления собственных вариантов украшений, более крупных и не серебряных, а бронзовых. В VII веке уже трудно было представить себе антскую даму без пары фибул на плечах. Орнамент на днепровских фибулах был более простым, но любовь к орлиным головкам привилась и здесь.

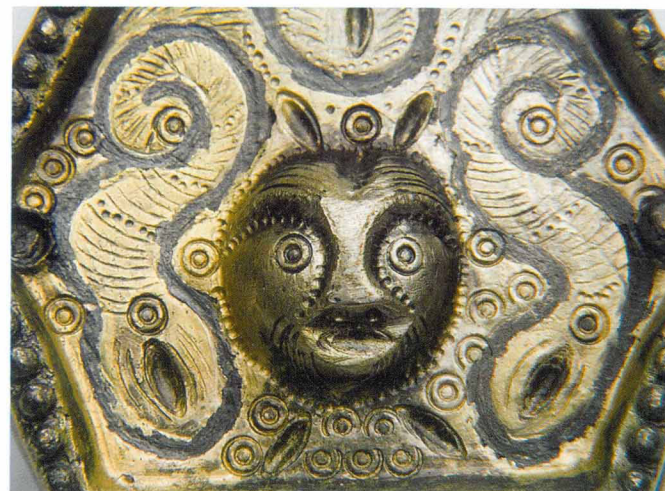
Так что, по-видимому, эта общегерманская мода не была явлением сугубо национальным. Ее перенимали те новые народы, которые «варились» в общем котле эпохи Великого переселения на границах Римской империи. Котел перестал бурно кипеть в конце VI века. Ситуация в Западной Европе немного стабилизировалась. Бывшие варварские короли постепенно перерождались в «христианнейших монархов». В Испании до начала VIII века, до завоевания арабами, просуществовало Толедское королевство вестготов. Еще в большей степени обособленными оказались англосаксы, переселившиеся в Британию. В северной Италии, в бывшем остготском домене, обосновались лангобарды («длиннобродые»), изгнанные с Дуная аvaraми, вторгшимися туда в 564 году. Движение славян на запад было остановлено на реке Эльба усилиями франков и тюрингов. Франки к тому времени обладали уже устоявшимся политическим устройством и признавались лидерами германского мира.

На франках нужно остановиться подробнее, ведь не даром эту эпоху мы называем именем их королей. Только Франкская держава из числа первых варварских государств смогла пережить эпоху Меровингов. Остальные же королевства по разным причинам вскоре сошли с исторической сцены.

Сыну легендарного Меровея, Хильдериху, было уготовано стать первой исторической фигурой в династии, хотя никакими громкими деяниями он не прославился. «Король Хильдерик» — гласила латинская надпись на массивном золотом перстне, красовавшемся на пальце мужчины, захоронение которого было обнаружено в 1653 году в городе Турнэ (Бельгия). Мало того, еще и портрет короля был выгравирован в центре щитка — перстень использовался как печать. С копьем в руке, с длинными вьющимися волосами — настоящий Меровинг. Франки называли своих королей «длинноволосыми»: мужчинам королевской крови было запрещено стричь волосы от рождения и до самой смерти.

Пряжка из погребения
гуннского вождя. На поясе
степняка — бог морей
в окружении морских
животных.
Середина V века

Броши Одина.
Пара германских накладок.
VII век

Клад германских ювелирных
украшений у села Замостье.
Начало V века

Хильдерик I — один из немногих древних персонажей, могила которого найдена и достоверно идентифицирована (еще известна могила франкской королевы Арнегунды в Париже).

Отец Хильдерика был основателем династии, а вот его сын Хлодвиг должен по праву считаться основателем франкской державы, заложившим основы государственного устройства, законодательства, активной внешней политики. Он в конце V века объединил под своей властью разрозненные племена франков, покорил саксов, бургундов и вестготов, принял католичество. Хлодвиг сделал свое королевство самым могущественным в Европе, если не считать Византии.

Но он же сыграл и роковую роль в истории своей державы. Умерев на тридцатом году правления, он завещал страну четырем своим сыновьям, не желая, чтобы кто-либо из длинноволосых отпрысков был ущемлен в королевских правах. Единая страна разделилась на четыре части. И это было только начало, ведь и сами дети тоже вскоре стали отцами и поступили так же. Как на грех, правящие Меровинги были не только весьма плодovitы, но и любвеобильны: по обычаям франков, короли могли иметь несколько законных жен.

Трудно представить, до каких пределов дошло бы количество королев и королев, если бы не два обстоятельства. Во-первых, острая конкуренция среди лиц царских кровей, которая вела к взаимному уничтожению. Этим грешили не только сыновья и братья, происходящие из некогда единого корня, но даже их матери. Чего стоит знаменитая Брунгильда, героиня германского эпоса, бабушка, жена, сестра, мать, тетка нескольких десятков королей, из которых одиннадцать сошли в могилу благодаря ее деятельному участию. Один историк обозначил образ правления Меровингов, как «умеряемый убийством деспотизм».

Во-вторых, острой необходимости в таком количестве королей у простого народа не было, поэтому франки до поры до времени спокойно взирали на королевские забавы. Но когда в результате семейных распрей оказались почти полностью истреблены сразу два (!) королевских рода из корня Хлодвига, и жители двух огромных частей франкского мира вообще лишились законных правителей, их терпению пришел конец. Свободолюбивые франки (само слово «франк» означает «доблестный») решили взять бразды правления в собственные руки. Император Маврикий отмечал, что франки — лучшие пешие воины в Европе, но они часто

Именной перстень короля
Хильдерика с его портретом.
Гальванокопия

«проявляют непослушание по отношению к своим предводителям».

Могильники эпохи Меровингов просто наполнены оружием: почти в каждом захоронении мужчины и даже мальчика содержится боевой нож, копье или топор, часто длинный меч и щит с железным умбоном посередине. А это значит, что каждый был воином и имел право отстаивать свои интересы. Оружие считалось необходимым признаком всякого свободного человека, как удостоверение его личности. Оно же служило гарантией его политических прав и свобод. Именно в те времена некоторые специфические типы вооружения получили национальные названия: метательный топорик франков — франциска, а короткий однолезвийный меч саксов — скрамасакс.

Население различных областей домена Хлодвиг, включая бургундов и саксов, объединилось и после казни злополучной Брунгильды провозгласило единым монархом Хлотаря II. Случилось это в 584 году. Династическим усобицам пришел конец. Поэтому за Хлотарем и его сыном Дагобертом, наряду с прозвищем «длинноволосые», закрепился еще

Антская фибула из Поднепровья.
Кайма из птичьих головок
германского образца.
Первая половина VII века

Фибула баваров в виде буквы S с двумя орлиными головками. VI век

и эпитет «добрые» короли. Но добрых королей очень быстро сменили их потомки, вошедшие в историю под именем «ленивых», так как реальные бразды правления они отдали своим майордомам, и усобицы продолжились уже среди них. Последний Меровинг Хильдерик III, «распустив волосы и отрастив бороду, восседал в одиночестве и изображал из себя правителя», как писал один из летописцев. Хильдерика сместил управитель его собственного дворца в 751 году. Так Меровинги сменились Каролингами.

В начале правления Хлотаря II в мире произошли изменения, которые отразились и на развитии ювелирного искусства. Далеко на Востоке, в монгольских степях родилась новая грозная сила — каганат тюрков династии Ашина, за короткое время раскинувший свои владения от Саяно-Алтая до Северного Кавказа. В 576 году под натиском тюрков пал Боспор — полунезависимый город-государство в восточном Крыму, сателлит Византии. Вскоре здесь прекратилось изготовление оригинальных пальчатых фибул, и в Крым начали поступать похожие украшения из Поднепровья. Спасаясь бегством от тюрков, в Среднее Подунавье вторглись

Железная поясная пластина с таушированным орнаментом. Франки. VII век

авары и создали в самом сердце Европы крайне агрессивное государство — Аварский каганат.

Тогда же, в конце VI века, Персия захватила берега Красного моря, через которое поступали знаменитые индийские и цейлонские алмадины. Теперь они исчезли с европейских рынков, но им на смену очень быстро пришли местные камни. В Чехии (Богемии) давно были известны месторождения очень маленьких гранатов-пиропов, пусть худшего качества, но зато дешевых. Империя франков устанавливает торговые отношения со славянами, что нашло свое отражение в легенде о бесстрашном франкском купце Само, который основал первое славянское королевство в Богемии, успешно противостоящее и аварам, и Меровингам.

Смена сырьевой базы привела к изменениям в стиле клуазоне. Работа с пиропами еще более трудоемкая, поэтому на смену изделиям, целиком покрытым инкрустациями, пришли украшения с отдельными маленькими вставками. Да и золотые запасы Меровингов к тому времени поисскаки. Огромные фибулы и массивные браслеты отошли в прошлое,

Пряжка с гравированным орнаментом. Франки. Начало VII века

сменившись более скромными, хотя и не менее замысловатыми серебряными изделиями с гравированным рисунком.

Серебро тоже, впрочем, было недешево. В начале VII века франки отдают предпочтение новому стилю в орнаментации оружия и амуниции. Снова возрождается забытая мода на воинские пояса с накладными пластинами, только вместо кербшнита используется новая разновидность декора. При этом выглядят такие вещи гораздо дороже, чем стоят на самом деле, за что и получил этот стиль немецкое название «тауширование», от слова «täuschen», что значит «вводить в заблуждение». Секрет прост. На откованную до идеального состояния железную основу рисунок наносился двумя разными способами. Вырезанные из серебряной фольги главные элементы декора плакировались (т. е. аккуратно наплавлялись) на железо, а тонкий орнамент вокруг инкрустировался серебряной проволокой, которую вколачивали в специально процарапанные бороздки.

И плакировка, и инкрустация проволокой по отдельности в античном мире практиковались и раньше, но сочетание их друг с другом — это по-видимому, собственная идея франкских мастеров. Их привлекала сравнительная простота и дешевизна этой техники, которая позволяла создавать видимость дорогих и массивных серебряных вещей. Площадь покрытия изделий серебром была так велика, что часто создавалось обратное впечатление — будто бы серебряная вещь инкрустирована железом.

Фибулы в виде фигурок птиц. Франки. VI—VII века

Таушированием стали украшать не только поясные гарнитур, но и оружие. Особенно впечатляют меровингские пояса с массивной пряжкой, противостоящей ей симметричной пластиной и накладками. Размеры пряжек — до 15 см в длину, и вес соответствующий. А если добавить еще и вес меча, висящего на ремне, щит с железным умбоном, копье или топор-франциск, то можно понять, почему франкская пехота в это время была лучшей, и почему сами длинноволосые короли считались с мнением народного собрания. Поясные бляхи крепились к ремню при помощи гвоздиков с крупными позолоченными шляпками, которые тоже служили элементом декора. Позолоченные шляпки от гвоздей торчали и на умбонах щитов, и на древках копий, лезвия которых тоже таушировались. Арсенал до зубов вооруженного франка был подобран в одном стиле, словно костюм модницы.

Такого широкого распространения в варварском мире, как перегородчатые инкрустации и кербшнит, тауширование не получило. Но зато этот стиль оказался более долговечным. В эпоху средневековья он стал излюбленным способом орнаментации рыцарской амуниции, наряду с позлотой и чернью. Великолепные парадные доспехи и оружие, богато представленные, например, в Рыцарском зале Эрмитажа, украшены именно в технике тауширования, изобретенной еще франками в конце VI века.

Удивительным образом характерный набор женских украшений в V—VII веках идентичен на огромных пространствах

Наконечник копья, инкрустированный серебряной проволокой. Аламанны. VII век

Детали воинских поясов
франков. Тауширование. VII век

от Крыма до Испании, населенных различными германскими племенами. Отличаются лишь незначительные элементы убранства и их декор, но в целом набор аксессуаров стандартен: крупные серьги с бусиной на висках, пара фибул на плечах (кроме пальчатых, были еще гладкие, без орнамента — так называемые двупластинчатые фибулы), ожерелье из бус и подвесок, орлиноголовая пряжка на поясе. Костюм германской дамы, будь то вестготка, лангобардка или гепидка, строго следует одной общей традиции.

Границы варварских королевств эпохи Меровингов вовсе не препятствовали культурному обмену и взаимовлияниям внутри всей Европы. Отголоски всеобщей моды, надолго вошедшей в единое русло в эпоху Великого переселения народов, продолжали доноситься в отдаленные уголки ойкумены, куда никогда не ступала нога легионеров, но куда все же долетели римские орлы. Вместе с пальчатыми фибулами они появились в Прибалтике и у славян Поднепровья, вместе с маленькими пряжками добрались до лесных глубин Русской равнины — до финских племен Прикамья и Поволжья.

В этом суровом образе с хищным обликом зарождающаяся единая Европа нашла универсальный символ, настолько богатый внутренним содержанием и знаковым выражением, что он был способен объединить мировоззрение и римлян, и варваров; и франков, и славян; и королей, и воинов;

Типичный женский набор украшений готов: двупластинчатые фибулы, серьги, подвески, орлиноголовая пряжка. V–VI века

и мужчин, и женщин; и язычников, и христиан; и христиан-ортодоксов, и еретиков-ариан. Ведь в христианстве орел — общий для всех символ Воскресения, бессмертия христианской души, один из четырех «апокалипсических зверей». Евангелист Иоанн, воскреснув, вознесся на небо в образе орла.

Так кто же они, «птички» эпохи Меровингов: орлы Рима, вороны Одина или чьи-то бессмертные души?

Научно-популярное издание

Алексей Геннадьевич Фурасьев

ЭПОХА МЕРОВИНГОВ: орлы Рима и вороны Вотана

Редактор Е. А. Адаменко

Фотографы В. С. Теревенин, А. В. Теревенин, А. Ф. Кудрявицкий

Корректор Е. В. Торопова

Подписано в печать 24.04.07.

Печать офсетная. Уч.-изд. л. 2,5.

Тираж 5000 экз. Заказ 41 от 16.04.07.

Издательство Государственного Эрмитажа

190000, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 34

Отпечатано в ООО «Типография „НП-Принт“»

190005, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 14